

За последние годы в Бурятии развернулось планомерное и систематическое собирание и изучение героического эпоса бурят.

Собирателями записано около двухсот стихотворений героических сказаний — *улигеров*, среди которых имеется свыше тридцати вариантов *Гэсэра*.

Впервые бурятский *Абай Гэсэр богдо хан* записал М. Н. Хапгалов у своего отца и у сказителя Тушемилова, затем пересказал его в прозе с некоторыми сокращениями; в таком виде он был опубликован Г. Н. Потаниным¹. Кроме того, Г. Н. Потанин приводит рассказы бурят аларского ведомства о Гэсэр-хане².

М. Н. Хапгалов и Г. Н. Потанин обратили внимание ориенталистов на бытование сказаний о Гэсэре у бурят. Но опубликованные ими материалы не могли стать предметом серьезного научного изучения, так как были краткими изложениями или пересказами больших бурятских эпических произведений.

Академия наук СССР в серии *Произведения народной словесности бурят* в двух выпусках опубликовала в научной транскрипции *Абай Гэсэр хубуун*, *Ха Ошир хубуун* и *Хурли Алтай хубуун*, записанные собирателем и ученым Ц. Ж. Жамсарано³.

Эти героические сказания-улигеры о Гэсэре и о его сыновьях насчитывают свыше 22 тыс. стихотворных строк. Улигер о третьем сыне остался неопубликованным.

В 1953 г. Бурятским научно-исследовательским институтом был издан *Гэсэр*, записанный у сказителя Парамона Дылгэровича Дмитриева Данри Даниловичем Хилтухиным и подготовленный к печати мной и К. М. Черемисовым. В варианте 6305 стихотворных строк⁴.

В рукописном фонде нашего института (ныне Бурятский научно-исследовательский институт) находится *улигеры о Гэсэре*, записанные у сказителей Степанова, Тушемилова, Иришцевой, Шапаршиева, Жетухасва и др. В личном фонде известного собирателя С. П. Балдаева находится большой вариант, — свыше 20 тыс. стихотворных строк, — записанный у сказителя Альфора. Есть записи Д. А. и Т. К. Алексеевых, Н. О. Шаракшиновой, сделанные у разных сказителей.

Все эти варианты, записанные у улигершинов — знатоков бурятского героического эпоса Осинского, Нукутского, Аларского и Боханского районов Усть-Ордынского национального округа Иркутской области, близки друг к другу по содержанию, характеру эпизодов, действиям героев и по поэтике. Они-то и рассматриваются нами как бурятская унгинская версия *Гэсэра*.

Одним из наиболее полных и интересных вариантов унгинской версии *Гэсэра* является *Абай Гэсэр* Пехона Петрова, записанный собирателем И. Н. Мадасоном. Объем улигера около 13 тыс. стихотворных строк.

Этот улигер готовится нами к печати на бурятском языке с моим переводом на русский язык.

* * *

Мнение о самостоятельном и самобытном характере бурятского *Гэсэра* совершенно правильно в отношении эхирит-булагатской версии, то есть *Абай Гэсэр хүсүүна*, *Ха Ошир хүсүүна* и *Хүрин Алтай хүсүүна*⁵.

Действительно, кроме имени героя и общемонголо-бурятских мифов о некоторых тэнгрях и чудовищах, совпадений между *Абай Гэсэр хүсүүном* и монгольской *Гэсэриадой* нет. Мифы о высоком синем тэнгрии, о белошовном и о белодонном тэнгрях, о матушке-земле, о небожителях Хормусте и Атай Улане, о владыке подземного царства Эрликхане, о черном мангусе Лобсоголдое, об Ашури и т. д. — это общие монголо-бурятские мифы.

Несмотря на общность мифической основы, эхирит-булагатский *улигер Абай Гэсэр хүсүүн* по сюжету совершенно иное произведение, чем монгольская *Гэсэриада*. Бурятская унгинская версия *Гэсэра* глубоко отличается от эхирит-булагатской версии⁶ и имеет множество совпадений или соответствий с монгольской *Гэсэриадой*.

Упомянутый нами выше пересказ М. П. Хангаловым *Абай Гэсэр богдо хана* кажется сжатым прозаическим переложением записей унгинских вариантов *Гэсэра*, сделанных в 20—30-х годах нынешнего века: между ними нет существенной разницы, а детали всегда различны у разных сказителей даже в пределах одного улуса; даже один и тот же улигершин не может повторить точь-в-точь, слово в слово, улигер в 15—20 тыс. стихотворных строк.

Семьдесят лет тому назад М. П. Хангалов отмечал, что буряты не знают происхождения *Гэсэра*, не могут точно сказать, сколько в нем глав, хотя многие считают, что *Гэсэр* имеет девять глав.

Между тем знатоки и исполнители устного творчества бурят «помнят», когда возникли исторические песни о Шилде Запги, о Шоно Баторе; рассказывают легенды об этих героях исторических песен, относящихся к XVII—XVIII вв., сказания же о Гэсэре (о том, как он создал гору Агу, как в борьбе с Лобсоголдом образовал ложбинки, как его *батыры* стали изваяниями — скалами в Саянах) имеют мифический характер.

Нам кажется неоспоримым, что унгинская версия, очень популярная у приангарских бурят, возникла не позже XVII в., иначе улигершины «помнили» бы о возникновении версии. Вообще героический эпос бурят не «историчен» в том смысле, что герои борются с мифическими чудовищами и змеями, и лишь можно допустить «историческую основу» в унгинской версии *Гэсэра* в главе «Битва Гэсэра со злыми шараблинскими ханами» и искать эту основу в начале II или где-то в конце I тысячелетия⁷.

С другой стороны, если бы унгинская версия возникла после XVII в., то она имела бы прозаический вид, так как крупные исторические фольклорные произведения бурят XVII в., в своей основе прозаические, включают только отдельные песни героев. Бурятские сказки XVII—XVIII вв. прозаические, нет бытовых и сатирических стихотворных сказок; исключение составляют волшебные сказки, трансформированные из улигеров, например *Суутайн долоон хулагшан* («Сутайские семь саврасых кобылиц»).

В Алари, Нукуте, Унге живут не только представители булагатского племени, но и родов пришлых: хонгодоры, вунгары и др. Многие из них прибыли сюда ранее XVII в. У них были свои легенды, сказки и улигеры; они знали буддизм и были опытными скотоводами. Они оседали в степных районах, где булагаты переходили к экстенсивному скотоводству, поэтому у последних сложились хорошие условия для восприятия скотоводческих понятий, их идеологии, а значит и устного творчества. Прибывшие в XIV—XVII вв. вполне могли привезти с собой и эпос о *Гэсэре*.

В монгольской *Гэсэриаде* есть упоминание о тридцати трех тэнгриях, в унгинской версии тридцать три *батора* (богатыря) Абай Гэсэра являются сыновьями тридцати трех тэнгриев.

Если в *Гэсэриаде* повествуется о том, что бодисатва Шэгэмуни (Сакьямуни) повелел Хормусте через 500 лет, когда наступит смутное время на земле, спустить туда своего сына для искоренения десяти зол, то в *Абай Гэсэре* показывается титаническая борьба небожителей. В этой борьбе добрый западный небожитель Хирмас (Хормуста) низвергает на землю злого восточного небожителя Алтай Улана, и из гниющих частей тела последнего образуются чудовища, затем по совету старейшей бабушки Манзан Гурме на землю послан сын Хирмаса — Бухэ Бэлигтэ, будущий Гэсэр. Здесь нет повеления Шэгэмуни, хотя в качестве бездеятельного второстепенного существа упоминается Шубэгэнэ-Шутэгтэ. Вероятно, Шубэгэнэ ничто иное, как Шэгэмуни, имя которого стало парным с *шутэгтэ*⁸.

Сопоставление начал *Гэсэриады* и *Абай Гэсэра* наводит на мысль, что когда-то монгольская и унгинская версии имели идентичные вступления. Не выпало ли в монгольской *Гэсэриаде* такое начало и не заменено ли оно повелением бодисатвы? Не потому ли в *Гэсэриаде* непонятно, являются ли баторы сыновьями тэнгриев, не потому ли слишком условна причина спуска сына Хормусты на землю, не потому ли остается не описанным появление смуты на земле?

Здесь заметны следы языческой, а не буддийской мифологии: тридцать три тэнгрия, небесный совет, решающий послать среднего сына Хормусты, — хотя уже было повеление Шэгэмуни!

Речь идет не о полной тождественности основы, не о детальном совпадении, а об одинаковом характере вступлений, более ранних, чем издание пекинского ксилографа. В издании описание небесной жизни — языческая основа — могло быть отредактировано, значительно сокращено, но в меньшей степени, вероятно, подверглись редакции эпизоды, рисующие земную жизнь.

Средний сын Хормусты просит дать ему при спуске на землю пинцерь, наплечники, шлем, 30 стрел, лук, саблю, аркан, секиру, трех сестер-хубилганов, коня⁹. В *Абай Гэсэре* средний сын Хирмаса требует старшего брата, трех сестер-спасительниц, вооружение, земного и небесного коней, дочь солнца Наран Гохон. Разница небольшая. О трех сестрах в монгольском тексте говорится как о *хубилганах*, что связано с буддийским понятием о перерождении, в бурятском же — они оборотни: они могут оборачиваться в жаворонка и в другие живые существа.

В *Гэсэриаде* и в *Абай Гэсэре* эти сестры часто называются *хухы* «кукушки».

Земной конь — вещий гнедой — одинаков и там и здесь.

В унгинской версии сын Хирмаса рождается на земле у Сэнгэлэн-хана (пойона), а в монгольской — у Санлун-нойона. У Санлуна есть братья

Царкин и Цотон, а у Сэнгэлэна — Саргал и Сотон. Сотон (Цотон) — злой дьявол встречается там и здесь.

Много общего в описании детства Гэсэра на земле вплоть до эпизода с уничтожением телят и испытанием сыповей Санлуном и Саргалем.

В монгольской *Гэсэриаде* встречается китайский пахарь, а в бурятском улигере — китайские посе́вы.

Там и здесь после рождения на земле Гэсэр называется «соплячком» и в детстве убивает чертей и птиц — врагов детей. Там и здесь он трижды добывает невест: Рогмо Гоа, Тумэн Чжаргаланту и Ачжу Мэргэн в *Гэсэриаде*, Урмай Гохон, Тумэн Яргалап и Алма Мэргэн — в улигере. Там Гэсэр уничтожает чудовищного демона *Их тонгорок*, черно-желтого тигра, проглатывающего зверей и людей, здесь — чудовище Орголи; там и здесь герой побеждает шарагольских (шараблинских) хапов.

Исследователи найдут много общего в именах баторов: Шумар, Буйдэн, Шестипалый, Шиман-Бироцца, Цзаса, с одной стороны, а с другой — Шумар, Буйдэн, Шестипалый, Бироза, Заса; много общего и в описании борьбы Рогмо Гоа — Урмай Гохона с захватчиками.

Заслуживает внимания то, что в монгольской *Гэсэриаде* упоминаются победы над владыкой опухолей — демоном с железными серьгами, над владыкой моровой язвы. В *Абай Гэсэре* говорится о победе над четырьмя хэнзэ-чудовищами и превращении двух из них в золото и серебро, а двух остальных — в целебный источник и в *жень-шень*, которые исцеляют людей от болезней и опухолей.

Многочисленные совпадения подчеркивают более архаичный характер эпиколов в *Абай Гэсэре*. Архаичность унгинских улигеров о Гэсэре может быть объяснена, во-первых, тем, что они, возможно, представляют древнюю основу монгольской *Гэсэриады*, во-вторых, тем, что в Приангарье улигеры о Гэсэре получили «окраску» героического эпоса бурят.

Если возьмем описания трех тибетских нойонов (ханов) Санлуна, Царкина и Цотона, войны с шарагольскими ханами, китайского мудрого Гумэн-(Кюмэ-)хана, то можно сказать, что в известной мере в бурятской унгинской версии эти описания подробнее. Например, описание приказа китайского хана, данного им после смерти жены, и весь эпизод с походом Гэсэра для спасения китайского народа от последствий этого губительного приказа («кто стоял — стоять, кто сидел — сидеть» и т. д.) шире в *Абай Гэсэре*, чем в *Гэсэриаде*. Кажется почти невозможным для бурятских сказителей увеличение подробностей и расширение описания событий, происходящих где-то в Китае и Тибете. Все это позволяет нам сделать допущение, что подобные описания были в самой древней основе монгольской *Гэсэриады*, записанной не позднее первой половины XVII в. и имевшей не один вариант в устной традиции (постоянные находки новых и новых глав монгольской *Гэсэриады* свидетельствуют о живом бытовании их в прошлом) ¹⁰.

Что касается некоторых архаичных эпизодов из *Абай Гэсэра*, отсутствующих в *Гэсэриаде*, как, например, борьба Гэсэра с Ширэм-мината, то можно предполагать, что они дополнительно внесены бурятскими улигершинами; также могли быть внесены многие подробности описания поединков и, таким образом, улигеры об *Абай Гэсэре*, бытуя в живом исполнении в течение нескольких веков, могли приобрести бурятский характер и стать вполне самобытными. Весь бурятский героический эпос богат такими архаичными мотивами борьбы со злыми силами. Опи-

сания сбора героя, подготовки коня, походов героя за невестой, преодоления препятствий, битв с мангадхаями-чудовищами в улигере *Абай Гэсэр* похожи в основном на таковые в других бурятских улигерах. За три столетия (или больше) бытования у бурят этот улигер безусловно должен был превратиться в чисто бурятский. Было бы удивительным, если бы такие описания в *Гэсэре* не стали похожими на описания подобных событий в других бурятских улигерах: тогда *Гэсэр* был бы в нашем эпосе явлением сравнительно новым.

Расхождения между *Гэсэриадой* и *Абай Гэсэром* подчеркивают предположение, что в унгинский эпос проник устный древний монгольский вариант.

Вероятно, в *Гэсэриаде* произошло «очищение» от архаики, хотя все еще в достаточной степени присутствуют их следы (владыка опухолей, владыка моровой язвы, альбины, мангусы, тэнгри и т. д.). «Выпадения» древних мифов, языческой идеологии могут быть объяснены тем, что при издании вариант был подвергнут некоторой редакции, и тем, что он мог быть записан позже, чем проник в наш эпос, после включения в себя новых напластований и исключения некоторых архаизмов.

Акад. А. С. Козиным был установлен сатирический характер изображения лам. В *Абай Гэсэре* враги детей тоже принимают образ соржолам, которые, обратившись в ос, хотят выпить кровь Гэсэра, пока он еще мал, затем и Лобсоголкой принимает вид ламы, чтобы превратить Гэсэра в осла, — то есть имеются сходные антиламские мотивы.

Но и в отношении к ламам имеются расхождения: в *Гэсэриаде* герой воздвигает храм Хомшин-бодисатве. Так как это противоречит трактовке роли лам в основной части эпоса, то можно считать это место позднейшей вставкой. В *Абай Гэсэре* нет ничего подобного.

Перечисленные совпадения и расхождения (которых много) позволяют поставить проблему сравнительного изучения монгольских вариантов и унгинской версии героических сказаний о Гэсэре, проблему возникновения унгинской версии и развития ее как самобытной бурятской *Гэсэриады*.

Из всего сказанного следует, что бурятская унгинская версия *Гэсэра* имеет самостоятельное научное значение как памятник устного поэтического народного творчества бурят, который все еще и в наше время бытует и относится к любимым героическим сказаниям наряду с другими выдающимися улигерами: о Хухэрдэй мэргэне, Осодор мэргэне, Аламжи мэргэне. Кроме того, эта версия имеет особое научное значение для сопоставительного изучения.

Наш институт считает необходимым в ближайшие годы издать все основные варианты унгинской версии *Гэсэра* на бурятском языке в таком виде, в каком они записаны, с параллельным переводом на русский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Г. Н. Потанин, *Тангуты-тибетская окраина Китая и центральная Монголия*, т. II, СПб., 1893, стр. 44—117.

² Г. Н. Потанин, *Очерки северо-западной Монголии*, вып. IV, СПб., 1883, стр. 251—257.

³ «Изведения народной словесности бурят», вып. I, Л., 1930; вып. II, Л., 1931.

⁴ П. Д. Дмитриев, *Гэсэр*, Улан-Удэ, 1953.

⁵ Ц. Дамдинсурэн, *Монгольский эпос о Гэсэр-хане*, «Archiv orientální», 1955, т. XXIII, вып. 1—2, стр. 52—62.

⁶ А. И. Уланов, *К характеристике героического эпоса бурят*, Улан-Удэ, 1959, стр. 39—163.

⁷ Ц. Дамдинсурэн, *Исторические корни Гэсэриады*, М., 1957, стр. 172—173.

⁸ *Шүтэхэ* в современном языке бурят «поклоняться».

⁹ С. А. Козин, *Гэсэриада*, М.—Л., 1935, стр. 38.—И в дальнейшем в данной работе мы опираемся при извлечении фактов из *Гэсэриады* на эту работу С. А. Козина.

¹⁰ Ц. Дамдинсурэн, *Исторические корни Гэсэриады*, М., 1957, стр. 61—72.

По докладу выступил В. М. Жирмунский.